

УДК 94+2(571.5)

Т.В. Паликова

**ЦЕРКОВЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Рассматривается положение церкви в идеологическом, культурном и социальном пространстве забайкальских городов в конце XIX – начале XX в. в условиях постепенной переориентации общественной жизни на светские учреждения и организации.

Ключевые слова: церковь, взаимодействие, городской социум, Забайкалье.

Забайкальская область как административно-территориальная единица образована в 1851 г., хотя освоение этих земель началось еще в 60-х гг. XVII в. На общей площади в 538 890 в., поделенной на 8 округов, располагалось 8 городов, 5 из которых получили городской статус в конце XVII – первой половине XIX в., два – во второй половине XIX и один – в начале XX в. Освоение территорий и формирование церковно-институциональной сферы проходили одновременно, и ко второй половине XIX в. церковь накопила значительные идеологические, культурные и социальные традиции. Забайкальские города были поликонфессиональными, в них проживали православные, буддисты, иудеи, католики, мусульмане, объединенные в конфессиональные общины со своими культовыми сооружениями. Мы же сосредоточим свое внимание на вопросе, какое место занимала православная церковь в культурном и социальном городском пространстве Забайкалья.

Общая демократизация культуры, формирование атеистической тенденции и её усиление к концу XIX в., расширение досуговой сферы постепенно снижают роль церкви в общественной жизни городов и в частной жизни граждан. Центрами притяжения становятся общественные учреждения и организации. В забайкальских городах в последней трети XIX в. работали 2 отделения Императорского Русского географического общества, 4 музея, Попечительный о тюрьмах комитет с отделами, Статистический комитет, художественные, литературные, драматические, просветительные, профессиональные объединения, общественные, коммерческие, военные собрания. В начале XX в. появляются народные дома, театр, кинотеатры.

Однако церковь выполняла одну из ведущих ролей в культурно-пространственной системе городов. В архитектурном пространстве православные храмы оставались градообразующими доминантами. Ко второй половине XIX в. в городах области

действовали 15 храмов (12 каменных) и 14 часовен (3 каменных). По мнению Преосвященного Мелентия, епископа Селенгинского, именно наличие каменных церквей является главным отличием города от деревни. Храмы несли в себе глубокое эстетическое напряжение. Перестроенные в XVIII – первой половине XIX в., они придавали городским ансамблям красоту, гармоничность и законченность. Барочный, позднее классический стили выявляли величественность, грандиозность зданий на фоне по большей части одно- и двухэтажной застройки, подчеркивая значимость сооружения и крепость веры. В течение исследуемого периода храмовое строительство не прекращалось. В 1894 г. в религиозной жизни края совершается значительное событие: Забайкальская область выделяется в самостоятельный епископат с кафедрой в областном центре. В Забайкальской епархии к этому времени работали 200 церквей, в том числе 21 храм и 18 часовен в городах. Количество церковных зданий увеличилось за счет Читы, где было возведено 7 церквей и 3 часовни благодаря росту населения. К началу века в Забайкальской епархии уже насчитывалось 278 церквей, 4 монастыря, около 300 часовен и молелен. Расширилось церковное хозяйство городов: в Верхнеудинске богослужения проводились в 8 церквях (1910), а в Чите – в 19 храмах (1914) [1].

В идеологическом пространстве на церковь были возложены задачи попечения о духовно-нравственном состоянии граждан. Традиционно церкви устраивались при учебных заведениях, больницах или лазаретах, воинских гарнизонах, тюрьмах. С проведением Транссиба появились железнодорожные церкви в городах, расположенных по линии дороги. Православный верующий обязан был посещать церковь, исповедоваться и причащаться.

В культурном пространстве городов на церковь возлагалась забота о народном просвещении. Здесь

можно выделить несколько направлений. При духовном ведомстве формируется сеть школьных учреждений, включавшая в себя церковно-приходские школы, школы грамоты и другие образовательные учреждения. Согласно «Правилам о церковно-приходских школах» 1884 г. создавались два типа школ: одноклассные с двухгодичным и двухклассные с четырехгодичным обучением. Хотя церковно-приходские школы преследовали вполне конкретные цели приобщения детей к основам православия, воспитания в них «страха божьего», любви к святой церкви и преданности «Царю и Отечеству», они давали широким слоям городского населения элементарные образовательные навыки, умножая число грамотных горожан. Так же как и введение в программу ЦППШ хорового пения, имевшего, с точки зрения епархиального начальства, религиозно-воспитательное значение, с одной стороны, привлекавшего в церковь посетителей и повышавшего образовательное значение школы, с другой [2. Л. 2, 3], в конечном итоге оно было формой эстетического воспитания, прививавшего детям рядовых горожан чувство прекрасного, возвышенного, гармонической стройности музыкальных звуков.

Изменения, произошедшие в министерской школе в России в конце XIX в., расширение образовательных услуг за счет повсеместного открытия ремесленных школ и классов отразились на системе церковной школы. В центральных губерниях стали открываться епархиальные ремесленные школы для детей церковно- и священнослужителей, обеспечивавших «бедным честный кусок хлеба на всю жизнь», на что было указано Святейшим Синодом Забайкальскому епархиальному начальству (1891). Но в Забайкалье они не прижились. Другое же новшество, вошедшее в образовательное пространство в начале XX в., было поддержано. При всех министерских учебных заведениях городов области вводилась должность школьного врача. Заинтересованность в этом высказывало и церковное ведомство, поэтому Верхнеудинское отделение Забайкальского епархиального училищного совета обратилось в городскую думу с просьбой «предложить одному из врачей иметь наблюдение за здоровьем» свыше 350 школьников, находившихся «в полной беспомощности во врачебном отношении» (1912). Просьба была удовлетворена и в Верхнеудинских церковно-приходских школах появился свой врач [3. Л. 5].

Одним из средств духовного просвещения взрослого населения, кроме проповедей, считалось распространение духовной литературы, которым

успешно занималось читинское братство Кирилла и Мефодия. По данным Православной энциклопедии, в России за 1891 г. 58 братств, занимавшихся издательской деятельностью, продали 66 6371 и бесплатно раздали 491 594 книги, брошюры и листовки [4. Т. 6. С. 205]. С 1900 г. в Забайкальской епархии появился свой печатный орган – газета «Забайкальские епархиальные ведомости», издававшаяся на протяжении 17 лет. При церковно-приходских школах позволялось устраивать занятия для взрослых и содержать воскресные школы. На протяжении многих лет в городах края работали воскресные школы, в которых занятия проводились учителями ЦППШ и других учебных заведений и священниками Читы, Верхнеудинска, Акши, Троицкосавска. В 1908–1909 гг. в Забайкальской епархии насчитывалось 197 церковно-приходских школ, 37 школ грамоты, 4 воскресные школы. Для повышения качества преподавания и квалификации педагогов регулярно проводились учительские съезды.

Первое ведомственное учебное заведение в крае – Нерчинское духовное училище – было открыто в 1805 г. Переведенное в 1900 г. в Читу, оно работало на «епархиальные суммы», имело общежитие на 40 мест. Окончившие его поступали на гражданскую службу «при производстве в первый классный чин» без экзамена или продолжали обучение в семинарии. К сожалению, вплоть до 1919 г. семинария работала неофициально. Другое старейшее учебное заведение – миссионерское училище, основанное в 1862 г. в Посольском монастыре, было переведено в Читу (1900). С 1903 г. училище преобразовали в низшее учебное заведение духовного ведомства. С 1897 г. в Чите на основании специального указа Синода (1895) начинает функционировать женское епархиальное училище. Его учебная программа была сокращенной, но включала основные специальные и общеобразовательные предметы. В это сословное заведение принимались девочки 9–12 лет. Из 25 школьных мест 13 предназначалось для сирот и беднейших детей с полным казенным обеспечением. К 1901 г. училище становится полнокомплектным [5. Т. 1. С. 179]. Выпускницы могли работать учителями в низших учебных заведениях, так как по уровню образования курс епархиального училища приравнивался к гимназическому.

В рамках церковной просветительской деятельности в городах работали библиотеки и проводились народные чтения. Первая библиотекачитальня открылась в слободе Троицкосавска Усть-Кяхте в 1897 г. и именовалась «В память Святого Коронования», в 1907 г. начала функционировать

церковно-приходская библиотека в Верхнеудинске. Советы библиотек возглавили инициаторы их устройства – священники о. В. Бельтиков и о. С. Старков. Обе библиотеки были открыты на пожертвованные средства. В дальнейшем Троицкосавская библиотека-читальня содержалась на средства Троицкосавских и Кяхтинских церквей, которые составлялись из ежемесячного взноса духовенства на оплату библиотекаря и частных пожертвований. Верхнеудинская – некоторое время субсидировалась городом. Книжные фонды складывались из частных пожертвований. В книжном фонде Верхнеудинской народной бесплатной библиотеки-читальни были сочинения, подаренные верхнеудинским мещанином Ф.В. Машановым. Усть-Кяхтинская библиотека, которой дубликаты книг передала Троицкосавская общественная библиотека, состояла из 470 томов книг 260 названий, а Верхнеудинская насчитывала около 600 томов книг и 20 наименований периодических изданий. Уже к концу 1901 г. в церковно-общественной библиотеке Усть-Кяхты насчитывалось 1213 томов книг 656 названий. Рост книжных фондов был обусловлен увеличением количества читателей. В год открытия Усть-Кяхтинской библиотеки ее посетителями стали 106 человек. В сословном отношении библиотеки полностью оправдывали свое предназначение: 117 читателей (1903), посетивших церковно-общественную библиотеку в Усть-Кяхте, представители низших сословий [6; 7]. Поскольку библиотеки были народными, их посещали и люди, не умеющие читать. Когда на открытие Верхнеудинской библиотеки-читальни в помещении церковных школ пришли неграмотные «в надежде, что им кто-нибудь почитает вслух», совет библиотеки решил устроить для них чтения «с соблюдением строгой системы». Цель таких чтений заключалась в том, чтобы «породить и укрепить косвенным образом... влечение к грамоте» [8; 9].

Первое публичное чтение на территории Забайкалья состоялось в 1895 г. в Чите. С этого же года под наблюдением местного благочинного разрешалось проводить чтения в Верхнеудинске. Для чтения лекций в Троицкосавске была избрана специальная комиссия из представителей духовного и учебного ведомств, выработано Положение о народных чтениях. Чтения были платными (5 к. за вход), а лекторские группы состояли из учителей и священников городских и приходских училищ, церковно-приходских школ. Первые чтения как метод религиозно-нравственного воспитания арестантов состоялись в Иркутском тюремном замке (1899), в 1906 г. – в Читинской тюрьме. В Верхнеудинской тюрьме в конце 1915 г. тоже чи-

тались лекции, аудиторией для них служил тюремный коридор, в котором, по мнению администрации, «с удобством» могли разместиться до 200 человек. Беседы проводились учителями реального училища по приглашению начальника и священника тюрьмы, заведующего чтениями, в воскресные и праздничные дни [10. Л. 36; 11. Л. 3].

Содержание «обычных нравственно-религиозных» чтений включало разделы: разъяснение слова Божьего или обрядового строя церкви – «Заповеди Закона Божьего», «Символ веры», «О том, как свершалась божественная литургия при апостолах», «Об архиерейском служении литургии»; рассказы агиографические или об иконах – «Святой мученик Игнатий Богоносец», «Затворничество старца Серафима Саровского», «Чудотворный образ Богоматери-Сподручницы грешных»; назидательные – «Мать» А. В. Рождественского, «Работник», «О картежной игре» (журнал «Кормчий») и «из современной жизни» [12]. Вся человеческая жизнь была пронизана церковной обрядностью. С первого крика и до последнего вдоха каждое значимое событие в жизни человека сопровождалось участием церкви. Многократно описаны религиозные таинства и обряды – крещение, венчание, отпевание. Календарный год отдельного человека тесно переплетался с церковным годом. Каждый год в день своего святого (именины) прихожане посещали церковь, а после смерти устраивали литию на могиле; строго, особенно старые люди, соблюдали все посты, в том числе и однодневные; в родительский день готовили панихиды, посещали службу, а после большой литии так же, как в день памяти, проводились малые литии [13. Л. 60б]. В день «Радуницы» 1897 г. Преосвященный Георгий посетил читинское городское кладбище и отслужил литию у могил иеромонаха о. Герасима, протодиаконов о. Иосифа и Ф.Д. Черкасова, а военный губернатор Е.О. Мациевский, начальники войсковых частей присутствовали на панихиде по погребенным на воинском кладбище воинам [14].

Церковь являлась центром проведения религиозных, государственных, общественных и городских праздников, ее присутствие требовалось при открытии разных учреждений. Веками выверенными обрядами она, воздействуя на зрение и слух, вносила необходимую красочную и торжественную праздничность, глубоко переживаемую прихожанами. Большие религиозные праздники были особыми днями в годовом календаре православных россиян, к ним тщательно готовились: «Подшло Рождество... Та же уборка, мытье, чистка, что и в России, тот же гусь...» [15. С. 67], в них принимали участие все – от мала до велика. Начало празднования в

областном центре возвещали пушечный выстрел и колокольный звон. Праздничные богослужения продолжали крестные ходы. Крещенский крестный ход на «Иордань», по воспоминаниям верхнеудинца М.В. Танского, самый торжественный. В этот день наиболее благочестивые прихожане выносили свои иконы. На реке устраивалась прорубь в форме креста. В каждом доме перед иконами зажигали свечи. Глубокое интимное переживание рождения Христа, душевная умиротворенность ощущаются в дневниковой записи другого верхнеудинца Н.Н. Бурлакова: «...к Иконам поставил свечи и затеплилось во всех комнатах...Лучистый свет огоньков озарял и Лики Святых Икон и наше жилище... Торжественное чувствуется что-то в эти моменты» [16. Л. 17]. Бывали еще «поднятия икон», молебствия на полях от засухи и «немало всяких религиозных церемоний как для развлечения верующих, так и для укрепления в них веры» [17. Л. 28].

Взаимодействие между церковью и светской культурой выражалось в сотрудничестве представителей духовенства и светских учреждений и организаций. Церковь (как совокупный избиратель с правом голоса по имущественному цензу) могла иметь представителя в органах местного управления и, следовательно, реально участвовать в городских делах. Представительство духовного ведомства было обязательным в различных полугосударственных и общественных организациях. В качестве образца приведем сведения об участниках наиболее известных в конце XIX в. объединений. В областном Попечительном о тюрьмах комитете состояли архиепископ Иркутский и Нерчинский; епископ Селенгинский, первый викарий Иркутской епархии были вице-президентами; в уездном Верхнеудинском – обязательным членством обладал протоиерей Одигитриевского собора А.А. Лавровский. Почетными членами попечительства о детских приютах были протоиерей П. Писарев (Чита), протоиерей П. Шастин и священник Ф. Трапезников (Троицкосавск). В составе Забайкальского статистического комитета иерархи церкви исполняли функции неперменных и действительных членов. В середине 1890-х гг. в совете Нерчинского общества попечения о народном образовании работали протоиерей П. Затоппляев и священник М. Громов, в Читинском отделении Приамурского отдела ИРГО – священник Г.А. Стуков [18–20].

Отношения могли строиться и на частном уровне. Протоиерей Троицкосавского Троицкого собора о. Н.Г. Малышев на протяжении многих лет занимался разведением сада по обоим берегам речки Грязнухи. К 1908 г. сад разросся, скрепил сыпучие пески берегов реки, что было чрезвычай-

но полезно для гигиенического состояния города, любовно называвшегося песчаной Венецией. И священник обратился с ходатайством о передаче во временное пользование еще одного участка земли, желая развести новый сад. На что городская управа выдала ему пособие на покупку деревьев и возведение изгороди [21].

В социальном пространстве городов церковь оказывала материальную помощь прихожанам, но и прихожане обязаны были радеть о материальном благополучии церковного хозяйства. Еще в середине 1860-х гг. Высочайше утвержденным положением позволялось в каждом приходе организовывать особые попечительства, заботящиеся об «удовлетворении нужд приходских церквей»: строительство и содержание церковных зданий, домов для причта; изыскание средств на открытие школ, больниц, богаделен, приютов и других благотворительных учреждений; оказание «бедным людям прихода в необходимых случаях возможных пособий, ... погребении неимущих умерших и ... содержании в порядке кладбищ». Согласно Положению попечительства имели право входить в прямые сношения с духовным и другими ведомствами, когда для благоустройства прихода необходимы были особые пособия, содействие казны или иных лиц. Попечительствам, существовавшим на добровольные пожертвования, разрешалось устанавливать единовременные или постоянные сборы с прихожан при наличии решения их общего собрания [22]. Отчисления и сборы использовались на пособия бедным прихожанам. Наиболее состоятельные горожане, помогая церкви, создавали благоприятные условия для выполнения возложенных на нее обязанностей. В частности, в 1903 г. верхнеудинский мещанин П.А. Фролов построил второклассную церковную школу, которая по решению Верхнеудинского городского общества стала именоваться «Фроловской», затратив на это 23000 р., а Ф. В. Машанов пожертвовал 5000 р. на открытую в 1911 г. школу при Спасской церкви [23. Л. 89; 24; 25]. Сочувствие церкви «сырым и убогим» (неслучайно «убогий» означает «у Бога») проявлялось не только во врачевании душ. По всей стране церковные попечительства, церкви организовывали тарелочные и кружечные сборы в пользу обездоленных. Читинское братство Кирилла и Мефодия с 1911 г. содержало приют, единственный в Забайкалье, в котором на протяжении 15 лет призревало до 30 подкидышей [26. Л. 20; 27. 393; 28. С. 266]. Приют находился под пристальным вниманием светских властей и прихожан, которые помогали учреждению натуральными и денежными пожертвованиями [29].

Общий ход модернизационных процессов, эмансипация личности, развитие образования в городах приводит к изменению отношения к религии, церкви, церковной обрядовости. Оно формализуется, обряд становится обязательной внешней формой события. Это характерно для постов, которые соблюдались уже не всеми («... Саша не любит постничать...»), для обряда венчания, вызывавшего в душах некоторых насмешку («Никогда в жизни я не чувствовал себя в более глупом положении, как под “венцом”») и для поведения в храме, когда святость места уже не могла возвыситься над суетностью: «В церкви давка... Споры и брань среди торжественного пасхального пения». Показательным в этом отношении является перемена читательских предпочтений забайкальских горожан. Если в 1895 г. книги духовного содержания составляли 1,01 % среди читаемой литературы, то в 1901 г. – 0,4 % [30. Л. 94об., 102, 118 – 119].

На изменение отношения к церкви оказывало влияние неблагоприятное поведение самих священнослужителей и их недобросовестное отношение к обязанностям, приверженность к мирской суете. С неодобрением и даже порицанием пишет Н.Н. Бурлаков в дневнике о действиях духовенства в родительские дни («Ишь, пошел стрелять по Голдобным, да по Фроловым, а наши бедные панихиды бросил») или о традиции посещения причтом домов прихожан на Великие праздники (отец Платон, посещая дом бедного мешанина, «поднялся на крыльцо, дверь даже не дергал и ушел обратно»), ему вторит М.В. Танский: «священник ... подгоняемый стужей, не повенчал нас торжественно, а просто «окрутил», как говорится в народе». Известны и более вопиющие случаи: в 1878 г. дьякон Верхнеудинского Одиотриевского собора Николай Тютюков «в пьяном виде оскорбил бранными словами купцов ... в улице ... порицал бранью рядового Верхнеудинской местной команды», за что после проведенного расследования был наказан ссылкой на двухмесячный срок в Селенгинский Троицкий монастырь. Совершенно очевидно, что подобные случаи были не единичными и подрывали церковный авторитет [30. Л. 46, 150; 31. Л. 94об; 32. Л. 1, 5]. Проявлением циничного отношения к церковным святыням стали случаи ограбления церквей. Так, в 1897 г. «полному разграблению» подверглась Старособорная Михаило-Архангельская церковь: похищено «все, что было в ней ценного [дарохранительница со святыми дарами], святыня поругана» [33].

Во второй половине XIX – начале XX в. церковь оказалась в сложной ситуации. Высвобождение общественной инициативы, направленной на

создание инновационной культурной среды в городах Забайкалья, привело к снижению авторитарного давления церковных догм. Центр внимания горожан смещается в сторону светских учреждений. Церковь, поддержанная государством, была вынуждена выйти за рамки только духовно-религиозного круга обязанностей и включить в сферу своих интересов культурно-просветительную деятельность, направленную на сохранение своего авторитета. Ее влияние охватывало все основные сферы жизни городов. Большое значение в распространении грамотности имела созданная церковью сеть образовательных учреждений: школ, в которых за нехваткой мест в министерских училищах, могли получать элементарные образовательные навыки дети беднейших горожан, бесплатных библиотек, доступных всем горожанам, в том числе и неграмотным. На базе церковных школ при непосредственном участии их учителей работали воскресные школы, устраивались религиозные народные чтения, охватывавшие широкий круг населения, включая лиц, лишенных свободы. Призывая к смирению, проповедуя любовь к ближнему, церковь продолжала выполнять свою миссию в деле милосердия, показывая путь его реального проявления. Несмотря на формализованное восприятие обрядовости, усилившееся к началу XX в., церковные таинства продолжали играть определенную роль в жизни большинства православных, церковный год вливался в светский календарь, составляя единое неразрывное целое.

Взаимодействие церкви и городского сообщества осуществлялось на индивидуальном и на общественном уровне и было двусторонним. Церковь, по-прежнему находясь на страже государственных интересов, ратуя за духовно-нравственное развитие общества, оставалась стабилизирующим фактором его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жалсараев А.Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии, XVII–XX столетий. Улан-Удэ, 2001. 448 с.
2. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 2737.
3. НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1004.
4. Православная энциклопедия. М., 2003.
5. Энциклопедия Читинской области. Чита. 2001.
6. Байкал. 1898. 1 февр.
7. Верхнеудинская Конституционная газета. 1906. 16 марта.
8. Байкал. 1904. 18 февр.
9. Верхнеудинская Конституционная газета. 1906. 26 марта.
10. НАРБ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 11
11. НАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 351.

12. *Байкал*. 1898. 27 сент.; 1904. 25 янв., 1, 15 февр., 18, 25 апр.; 1905. – 23 янв., 13, 27 марта, 25 сент., 16 окт.
13. *НАРБ*. Ф. 337. Оп. 2. Д. 1765.
14. *Восточное обозрение*. 1897. 12 февр.
15. *Попов И.И.* Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция. Воспоминания за 50 лет. Л., 1924.
16. *НАРБ*. Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 42.
17. *НАРБ*. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 6.
18. *Памятная книжка Забайкальской области на 1890 год*. Чита, 1890.
19. *Памятная книжка Забайкальской области на 1895 год*. Чита, 1895.
20. *Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества*. Чита, 1896. Вып. 1.
21. *Даурский край*. 1908. 16 июня
22. *Сибирский вестник*. 1864. 20 окт.
23. *НАРБ*. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2720.
24. *Забайкальская новь*. 1911. 25 сент.
25. *Иркутские Епархиальные ведомости*. 1882. 16 окт.
26. *НАРБ*. Ф. 10. Оп. 1. Д. 16.
27. *Памятная книжка Забайкальской области на 1910 год*. Чита, 1914.
28. *Лобанов В.Г.* Старая Чита. Чита, 2001.
29. *Забайкальская новь*. 1917. 6, 31 янв.
30. *НАРБ*. Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 42.
31. *НАРБ*. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 33.
32. *НАРБ*. Ф. 186. Оп. 1. Д. 57.
33. *Восточное обозрение*. 1897. 16 апр.